

I.

Мы снова возвращаемся къ вѣйшней біографії Боккаччо, отъ которой отвлекла насть характеристика его гуманистической дѣятельности.

Съ весны 1350-го года, послѣ поѣздки въ Миланъ и до ноября 1361-го, онъ живетъ во Флоренціи, усердно занимается съ Леонтиемъ Пилатомъ, погруженъ въ Гомера; у него кончены или на очереди окончанія книги объ Именитыхъ женщинахъ и Великихъ людяхъ, редактируются Генеалогіи. Но энтузіазму работы не отвѣчали ни материальное положеніе Боккаччо, ни тревожная политическая жизнь Флоренціи. Занятія требовали обеспеченности, покоя, а Боккаччо по прежнему стѣсненъ, чувствуетъ потребность въ поддѣржкѣ и не рѣшается поступиться своей свободой; эти вопросы волнуютъ его, мы видѣли, какъ они отразились въ его перепискѣ съ Петраркой. О поэтическомъ уединеніи не могло быть и рѣчи въ городѣ, гдѣ по изгнаніи герцога Аѳинскаго¹⁾ и пораженія родовой знати продолжалась соціально-политическая борьба между мелкимъ рабочимъ людомъ²⁾, получившимъ доступъ къ высшимъ должностямъ, и богатой буржуазіей. Слѣдствіемъ этого переворота было приниженіе правствен-наго и интеллигентнаго уровня въ правящихъ классахъ, потому что съ аристократіей удалились доблесть и великодушіе, а въ новыхъ людяхъ, призванныхъ отъ ремесла къ управлению го-

---

1) Сл. выше т. I, стр. 178 слѣд.

2) *Popolo minuto*.

родомъ, онъ не возжигались¹⁾). Изъ среды буржуазіи выбирались такъ называемые начальники гвельфской партії²⁾, назначеніемъ которой было блюсти гвельфскіе интересы Тосканы, орудіемъ — введенный въ 1358-мъ году законъ «аммоніці», по которому простое подозрѣніе и ложный оговоръ въ гибеллинствѣ вели къ денежнымъ пенямъ, изгнанію или казні. Средство было опасное, нерѣдко служившее личнымъ цѣлямъ, и оно вызывало протесты: за аммоніцію стояли Альбіони, противъ нея ратовали семьи Альберти, Риччи, Медичи. Явились заговоры, нерѣдко воображаемые, репрессивныя мѣры. Въ 1360-мъ году на обратномъ пути изъ Авиньона черезъ Миланъ, где онъ видѣлся съ Петrarкой, и Болонью, прѣѣхалъ во Флоренцію Аччьяйоли. Какъ флорентійскій гражданинъ, онъ могъ быть избранъ на одну изъ общественныхъ должностей, ибо его имя стояло въ числѣ кандидатовъ, онъ самъ былъ на лицо, и избирательные urnы какъ разъ почти пусты. Но онъ былъ слишкомъ вліятеленъ и силенъ — для флорентійской свободы и возбудилъ подозрѣнія; чтобы удалить ихъ отъ себя, онъ выѣхалъ изъ Тосканы, но когда вскорѣ послѣ того прошли слухи о какомъ-то готовившемся во Флоренціи переворотѣ, подозрѣнія усилились; именно ввиду Аччьяйоли изданъ былъ законъ, запрещавшій быть пріоромъ всякому гражданину, владѣющему городами или замками и правомъ уголовнаго суда. Въ томъ же году два пріятеля Боккаччо, Никколѣ ди Бартоло дель Буono и Пино деи Rossi были обвинены по подозрѣнію, будто-бы вмѣстѣ съ Бортоломмео ди мессеръ Аламанно деи Медичи они затѣвали предать республику въ руки партіи Риччи; Маттео Виллани не вѣрилъ, чтобы они причастны были заговору, это на нихъ взвели; но Пино деи Rossi былъ изгнанъ, дель Буono, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ, поплатился головой: тотъ самый Никколѣ ди Бартоло дель Буono, котораго въ послѣдовавшемъ

1) Machiavelli, *Stor. fior.* I. II, въ концѣ; I. III, с. 1.

2) Capitani di parte guelfa.

къ Амето Боккачью назвалъ своимъ единственнымъ другомъ, образцомъ истинной дружбы ¹⁾.

Когда Боккаччо забывался своей наукой, поэзіей, ему и тутъ не было покоя: ему твердили, что онъ занимается вздоромъ и по дѣломъ голодаетъ, что его занятія вредны и безбожны. Онъ отбивался и шутилъ и торжествовалъ надъ схоластиками и боязливо гналь отъ себя сомнѣнія. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ нравственной усталости и могъ къ нему явиться, вѣроятно, въ Іюнѣ 1361-го года, монахъ Джоаккино Чьяни, явился отъ лица недавно скончавшагося картезіанского монаха Пьетро де' Петрони († 1361-го года, 21-го мая), слывшаго за человѣка святого, удостоенного откровеній свыше. Незадолго до смерти ему было видѣніе: онъ видѣлъ въ сіяніи Христа, разгнѣваннаго на людей за ихъ корыстолюбіе; лицезрѣлъ селенія праведныхъ и муки грѣшниковъ, изъ которыхъ иныхъ называлъ по имени; многіе изъ нихъ считались при жизни за людей добродѣтельныхъ и благочестивыхъ; ему открыты были всѣ дѣла и тайныя помышленія смертныхъ, извѣстныя одному лишь Богу. И вотъ святой поручилъ своему любимому ученику, котораго сдѣлалъ участникомъ своихъ помысловъ, Джоаккино Чьяни, пойти въ міръ и повѣдать тѣ откровенія людямъ, которыхъ самъ онъ никогда не видѣлъ, которыхъ дотолѣ не зналъ даже по имени: однихъ пусть увѣщеваетъ любовно, другихъ сурово, всѣхъ обращая на правый путь. Съ такимъ-то порученіемъ Чьяни явился и къ Боккаччо, человѣку ученому, въ то время чуть не вождю тосканскаго краснорѣчія ²⁾. Монахъ обратился къ нему наединѣ, ласково и серьезно: онъ пришелъ отъ лица святого; Боккаччо не зналъ его, но за то святой зналъ его отлично и молился за него. И вотъ Чьяни держитъ проповѣдь,

1) Сл. выше т. I, стр. 176 и 291—2 (гдѣ ошибочно напечатано: Бартоло дель Буono вм. Никколо и т. д.); Matteo Villani l. X, с. 24 слѣд.; Gino Capponi, *Storia della repubblica di Firenze*, I, стр. 311—312.

2) *Virum litterarum sane studiosum atque tunc temporis hec ruscae eloquentiae facile principem.*

обличая роскошное житіе¹⁾, заблужденія Боккаччо, его любовные писания²⁾, увлекающія другихъ ко грѣху. Дары ума и краснорѣчія онъ употребилъ не во славу Божію, а въ услуженіе сатанѣ, на снисканіе бренной славы и почестей, на развращеніе нравовъ. Подумай, Джьованни, каковы твои дѣла передъ Господомъ, когда ты являешь себя врагомъ цѣломудрія, потворщикомъ сладострастія, когда твои сочиненія—орудія дьявола, соврашающія души къ Венерѣ³⁾, самъ ты и словомъ и писаніями и нравами—примѣръ другимъ скверны и разврата⁴⁾. Я не щажу тебя, потому что мнѣ дорого твое спасеніе; умоляю тебя, вѣщаю отъ лица Пьетро: оставь свой образъ жизни, брось гибельную поэзію⁵⁾, обратись на путь добродѣтели, къ болѣе строгимъ нравамъ и занятіямъ. Если ты не внемлешь тому, говорю тебѣ вѣщаніями того-же мужа, что кара близка и что скорѣе, чѣмъ ты думаешь, будетъ конецъ и твоимъ мірскимъ занятіямъ⁶⁾, и твоей жизни.—Въ заключеніи Чьяніи открылъ Боккаччо тайну, которую никто не могъ знать, кроме Бога; и Боккаччо рѣшился озабочиться своимъ нравственнымъ оздоровленіемъ, разстаться съ поэзіей⁷⁾ и даже продать свои книги⁸⁾.

Всѣ эти подробности мы знаемъ изъ житія бл. Пьетро, написанного около 1362-го года учениками святого, бл. Джьованни Коломбини и Никколо Винченци. Итальянскій подлинникъ житія,

1) Luxus.

2) Amatoria studia.

3) In Venerem.

4) Verendum mihi interdum arbitror, ne divinae justitiae gladius in te sit intentus, quandoquidem tuis ipse litterarum monumentis honestati bellum indicis, dum intemperantiam et lasciviam, dum turpitudinem et flagitosam illam tuam verborum licentiam, ad risum concitandum, vel mentes animosque, ut dicis, exhilarandos ante oculos proponis atque uno eodemque tempore in te moribus et verbis effingis.

5) Poetica studia.... exitiale poeticon.

6) Profana studia.

7) Omnia poeticae studia deserere.

8) Manni l. c. part. I, стр. 83 слѣд.; AASS. VII, подъ 29 мая: житіе бл. Пьетро Петрони, откуда взяты предыдущія цитаты.

къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ, сохранился латинскій пересказъ XVII вѣка, принадлежащій флорентійскому картезіанцу, отцу Вареоломею. Нѣкто Аттиліо Берлингьери доставилъ ему списокъ итальянской легенды, съ просьбой пересказать ее поизящнѣе ¹⁾, чтò онъ и сдѣлалъ; но онъ не только стилизовалъ ее на-ново, а и повѣриль и дополниль по документамъ и другимъ даннымъ ²⁾, среди которыхъ ссылки на авторовъ подлинника какъ то теряются ³⁾. Къ такимъ постороннимъ свѣдѣніямъ принадлежитъ и письмо Петрарки, которымъ онъ старался ободрить друга, озадаченного откровеніями Чьяни. Если для его бесѣды съ Боккачью у перескащика житія не было иного источника, кромѣ указаннаго письма, то онъ только развилъ намѣченное въ немъ положеніе, сочинилъ проповѣдь Чьяни, и ему-же принадлежитъ то крайнее освѣщеніе, въ которомъ является — раскаяніе Боккачью. Мы сказали-бы: растерянность.

Боккачью былъ правъ: схоластики-богословы оказались на время сильнѣе его. Въ томъ состояніи нравственнаго напряженія, въ какомъ онъ находился, откровенія монаха его поразили, ярче освѣтивъ его собственныя сомнѣнія. Онъ искалъ опоры въ поэзіи, она, оказывается, чуть не увлекла его на край пропасти; гибель близка, уже поднимаются и грозные образы смерти. Надо бросить занятія, поэзію, книги; книги продать Петраркѣ. Боккачью слышалъ, что, разочаровавшись въ итальянцахъ, Петрарка хо-

1) *Elegantius retexendum.*

2) Ex vetustissimis litteris probatisque auctoribus excerpti. Многими сообщеніями авторъ обязанъ Celso Cittadini. О дѣятельности бл. Петра у него были и другія свѣдѣнія, не вошедши въ житіе. Utinam vel Ioachimus (Чьяни) scriptis mandasset, quae ille (т. е. Petrus) Romae, quaeque deinde Neapoli cum Ioanna regina gessit, quae tum cum summo totius Ecclesiae romanae pontifice Avenione per eos dies una cum sacro purpuratorum senatu commorante fecerat; quae mox cum Ioanne Galliae atque inde cum Eduardo Britanniae regibus, ad quos inter se atrociter dissidentes et gravissima subinde bella gerentes Ioachimum vicarium suum Petrus legavit, ut reconciliatis voluntatibus de pacis foedere praepotentis Dei imperio ageret.

3) Ex quo factum est, ut complures nos ipsi audiverimus (addunt auctores nostri) и т. д.

четь удалился въ Германію, къ Сарматамъ, увлекая за собою и музъ, и Геликонъ¹⁾). Неужели это возможно? Онъ напишетъ ему.

Письмо Боккаччо, къ сожалѣнію, не дошло до насъ; съ содржаніемъ его знакомить отчасти посланіе Петрарки. Пока онъ медлилъ отвѣтомъ, Боккаччо уже успѣлъ пережить то удрученное состояніе духа, въ которое повергли его суевѣрные страхи. А о немъ уже пошла молва, что онъ хочетъ постричься въ неаполитанской Чертозѣ; эта вѣсть вызвала сонетъ Саккетти: Тебя вапоили сладкія струи Геликона, писалъ онъ о Боккаччо, ты обиталъ на Парнасѣ среди музъ, о славный, обильный источникъ краснорѣчія! Но ты уразумѣлъ, что такое нашъ міръ, какъ кратокъ и тѣснъ нашъ жизненный путь, и до заката бѣжалъ отъ лавроваго вѣнца; тебя влекло къ познанію того, что выше семи небесъ, что познали всѣ, писавшіе объ истинѣ, и, облекшись въ одежду картезіанца, ты устремилъ мысль къ высшему, къ вѣчной славѣ, которую откроетъ тебѣ твоя доблѣсть²⁾.

Такъ говорили о Боккаччо, а въ немъ снова проснулась любовь къ жизни, къ поэзіи. Онъ не оставитъ ее, а постарается обезпечить; онъ снова попытается счастья у Аччьяйоли.

Боккаччо былъ уже на обратномъ пути изъ Неаполя, когда Петрарка собрался отвѣтить ему изъ Падуи письмомъ отъ 28-го мая 1362-го года³⁾. Посланіе друга и удивило и глубоко опечалило его, когда онъ принялъ его читать; читая далѣе, онъ успокоился, успокаиваетъ и Боккаччо: ему дѣйствительно опротивѣла Италія, гдѣ его, впрочемъ, не заслуженная слава, вызываетъ не признаніе, а зависть; онъ хотѣлъ уѣхать, но не навсегда: онъ въ самомъ дѣлѣ собрался въ Францію и Германію⁴⁾, но военные дѣйствія заградили ему путь, а въ Германію онъ направлялся лишь

1) Fam. XXIII, 8.

2) Così virtù nel fin vi manifesta. Сл. Manni I. c. parte I, стр. 99—100.

3) Sen. I, 5.

4) Сл. Sen. I, 8; Fam. XXIII, 9, 10, 14.

за тѣмъ, чтобы отвѣтить на любезное приглашеніе императора, нѣсколько разъ звавшаго его къ себѣ; ты вѣдь помнишь, что сказано у Валерія Максима: наши отцы полагали, что кто не оказываетъ уваженія къ властвующимъ, способенъ на всякия преступленія. — Даѣе онъ прямо обращается къ откровеніямъ Чьяни, разбирая ихъ спокойно, разсудительно, иронически, какъ разсудилъ бы самъ Боккаччо въ пору Декамерона. Петрони удостоился видѣнія Христа; это великое дѣло, если оно—не вымыслено, ибо подъ личиной святости и религіи не въ первый разъ скрывается обманъ. Пока я ничего не утверждаю, увижу посланнаго и тогда посмотрю, на сколько можно ему довѣрять. Ты пишешь мнѣ, что отъ тебя онъ отправился въ Неаполь, хотѣлъ пробраться во Францію и Англію, затѣмъ ко мнѣ. Я разсмотрю его: какихъ онъ лѣтъ, что за лицо, взглядъ, характеръ, внѣшность, движенія и поступъ; прислушаюсь къ его голосу и рѣчамъ, и куда они ведутъ. Что онъ повѣдалъ другимъ, не знаю; тебѣ онъ сказалъ, что жить тебѣ осталось не долго и что ты долженъ бросить поэзію. Что до первого, то твои страхи мнѣ непонятны — и Петрарка подробно развиваетъ идею о неизбѣжности смерти: всякому свой часъ, цитуетъ онъ стихи Вирgilія:

Stat sua ciuique dies,

тѣ самые, на которыхъ Заноби да Страда построилъ свою вѣнчальную рѣчъ, и тотчасъ же иронически замѣчаетъ: Да вѣдь тебѣ запрещена поэзія? Почему? Я уразумѣлъ бы подобнаго рода совѣтъ старику, вздумавшему впервые заниматься этимъ дѣломъ подъ старость лѣтъ; но обращенный къ человѣку, который въ поэзіи не новичекъ, а ветеранъ, и умѣеть разобраться въ томъ, что полезно и что слѣдуетъ отметить — онъ мнѣ непонятенъ, ибо отнимаетъ у старости, что ей въ удовольствіе и утѣшеніе. Чтобы сталося съ Лактанціемъ, Августиномъ, Иеронимомъ, еслибы къ намъ обращенъ былъ подобный запретъ? Я, разумѣется, имѣю ввиду старика, понимающаго, что можно извлечь изъ такого рода занятій для познанія вещей, и правовъ, для краснорѣчія и за-

щиты нашей религии; старика, который знаетъ, что ему думать о прелюбодѣяніяхъ Юпитера, о Меркуріи-сводникѣ, о разбойнике Геркулесѣ, о ткачихъ Минервѣ — и чѣмъ мы обязаны пресвятой Дѣвѣ и ея Сыну, нашему Спасителю, истинному Богу и истинному человѣку. Если избѣгать поэзовъ и языческихъ авторовъ, то слѣдовало бы избѣгать и еретическихъ писаній; а защитники Христовой вѣры читаютъ ихъ.

Это — одинъ изъ аргументовъ самого Боккаччо въ Генеалогіяхъ Боговъ; письмо Петрарки переходитъ въ защиту поэзіи и гуманистической науки: ни любовь къ добродѣтели, ни мысль о близости смерти не должны отвлекать насъ отъ литературныхъ занятій, ибо, хорошо направленныя, онъ именно возбуждаютъ любовь къ добродѣтели и удаляютъ или умаляютъ страхъ смерти; не помѣха, а помощь и утѣшеніе на жизненномъ пути. Недаромъ возбуждали такія похвалы люди, до конца дней сохранившіе это рвеніе. Петрарка приводитъ примѣры; онъ знаетъ, что св. Григорій прославлялъ св. Бенедикта за то, что онъ бросилъ эти занятія — для уединенія и аскезы, но вѣдь онъ бросилъ не только поэзію, а и науку вообще, и я сомнѣваюсь, чтобы его панегиристъ снискалъ себѣ похвалу, если бы подражалъ восхваляемому. Однимъ словомъ: многіе достигли святости безъ науки, но наука не исключаетъ святости; путь отъ невѣжества къ добродѣтели ровнѣе, но это путь лѣнивыхъ и малодушныхъ; путь отъ науки труднѣе, но онъ даетъ болѣе блеска. Великому святому изъ неученыхъ можно противопоставить еще большаго святого изъ ученыхъ мужей.

Далѣе Петрарка обращается къ практической сторонѣ дѣла. Если ты серьезно намѣренъ бросить занятія и отдѣлаться отъ необходимыхъ для того орудій, то-есть, отъ книгъ, то я благодаренъ тебѣ за то, что ты желаешь продать ихъ именно мнѣ. До книгъ, я, какъ ты говоришь, охотникъ; я этого не отрицаю; но хотя, повидимому, я пріобрѣтаю мою же собственность (т. е. собственность друга), я не желаю, чтобы книги столь известнаго человѣка разбрелись по непосвященнымъ рукамъ; какъ у насъ съ

тобою одно сердце, такъ пусть и орудія нашихъ занятій достанутся, по нашей кончинѣ, какому нибудь благочестивому учрежденію, на вѣчную о нась память. Ты просиши меня назначить книгамъ цѣну; сдѣлай это самъ; если ты рѣшишься (чего я всегда желалъ и что ты однажды почти обѣщалъ) провести со мною остатокъ нашихъ дней, твои книги будутъ къ твоимъ услугамъ, равно какъ и мои; ибо и онѣ—твоя собственность. Такъ ты ничего не потеряешь, а еще и выиграешь.—Ты пишешь мнѣ, что у многихъ въ долгу, между прочимъ, у меня; брось эту глупую совѣстливость. За тобой одинъ долгъ — твоя дружба, да и это не долгъ: ты давно и исправно расплатился со мною; развѣ то только, что въ этомъ отношеніи ты постоянно одолжаешься; но вѣдь за то ты постоянно и расплачиваешься. Что касается твоихъ жалобъ на бѣдность, *которая я слышалъ не разъ*, не стану ни утѣшать тебя, ни приводить примѣры именитыхъ мужей, постигнутыхъ нищетою. Скажу, что всегда говорилъ: ты предпочитаешь независимость и покойную бѣдность богатствамъ, которая я тебѣ предлагалъ, хотя и поздно; это я понимаю, но не могу похвалить, что ты пренебрегалъ другомъ, такъ часто звавшимъ тебя къ себѣ. Обогатить тебя я не въ состояніи; если бы могъ, не говорилъ бы и не писалъ бы о томъ, а доказалъ бы дѣломъ; но у меня есть на столько, что хватить на двоихъ, съ однимъ сердцемъ и подъ одной кровлей. Ты оскорбляешь меня, отклоняя предложеніе, еще болѣе, не довѣряя мнѣ. Прощай.

Итакъ, Боккачъ не разъ жаловался Петраркѣ на свою необеспеченность, и Петрарка радушно, дружески предлагалъ ему поселиться у него—но Боккачъ отклонялъ это; его XVI-ая эклога указываетъ на причины отказа: онъ могъ опасаться, что зависимыя отношенія помѣшаютъ дружбѣ. Подъ богатствами, которая Петрарка сулилъ Боккачъ, разумѣется, какъ думаютъ, мѣсто папскаго секретаря, очистившееся по смерти Заноби да Странда († 1361): его предложили Петраркѣ, онъ отказался и указалъ вмѣсто себя на двухъ достойныхъ кандидатовъ; изъ нихъ

*

одинъ отклонилъ предложеніе, потому что обязанность была слишкомъ трудная¹⁾.

Это было въ 1361-мъ году; въ томъ-же году Боккаччо получилъ письмо оть Аччьяйоли, приглашавшее его раздѣлить съ нимъ «благоденствіе». Какъ и при какихъ условіяхъ вновь завязались эти связи—остается неизвѣстнымъ; онѣ сулили давно желанный поэтическій досугъ, и, забывъ предыдущую неудачу, Боккаччо въ ноябрѣ пустился въ путь, забравъ свои книги и брата Якова. Это указывало на переселеніе, на желаніе основаться въ Неаполѣ.

Знакомый намъ Нелли провелъ 1357—8-й годъ въ Авиньонѣ, куда въ 1359-мъ году переселился изъ Неаполя Заноби; съ 1358-го Нелли снова во Флоренціи, въ 1361-мъ въ Неаполь при Аччьяйоли, въ качествѣ его секретаря и мажордома²⁾. У него были старыя отношенія къ семье патрона: онъ былъ ближнимъ человѣкомъ флорентійскаго епископа Анджело Аччьяйоли; мать Николо обрѣла гробницу въ церкви св. Апостоловъ, где Нелли былъ пріоромъ³⁾. «Великаго сенешаля», очевидно, вновь обуяла идея обставить себя поэтическимъ Парнасомъ⁴⁾: Нелли замѣнилъ при немъ Заноби, теперь онъ звалъ къ себѣ Боккаччо и Петрарку, по его порученію Нелли писалъ тому и другому. Сохранилось лишь письмо Нелли къ Петраркѣ отъ 6-го ноября 1361-го года⁵⁾: онъ долго не писалъ ему, потому что, не смотря на возрастъ, требующій покоя, все время былъ въ разѣздахъ, очевидно, сопровождая Аччьяйоли; и теперь пишеть, а рука дрожитъ: онъ схватилъ обычную въ Апуліи осеннюю лихорадку. Онъ проситъ Петрарку внять пламеннымъ желаніямъ друга — Аччьяйоли: его ждутъ; мѣстность на побережїи между Амальфи и Салерно поспорить красотой съ самыми красивыми въ Италии,

1) Sen. I, 2, 4.

2) Spenditore. См. Cochin I. с. стр. 121—2 и 131.

3) I. с. стр. 16 прим. 1; стр. 76 прим. 2.

4) См. выше т. I, стр. 57—8.

5) У Cochin № XXVII.

самая подходящая для поэта; есть, гдѣ уединиться, есть и города, на случай отдыха отъ занятій; воздухъ на берегу и на горахъ мягкий, безоблачное небо, масса садовъ, полныхъ аромата и плодовъ, не переводящихся круглый годъ. Нелли не забыть сказать и вообще о жизненныхъ припасахъ: ихъ вволю, подвзять съ суши и съ моря. Пріѣзжай; если не что другое, пусть побудить тебя моя преданность; я буду тебѣ покорнымъ, ревностнымъ слугою.

Петрарка не поѣхалъ¹⁾, и Аччьяйоли сѣтовалъ впослѣдствії, что, по волѣ небесъ, не удостоился того, чего такъ жаждала его душа; онъ утѣшится письмами къ нему Петрарки: онъ прославлять его имя не менѣе, чѣмъ его собственные подвиги²⁾.

Поѣхалъ Боккаччо; его также вызывали, но приняли какъ-то неряшливо, пренебрежительно, забывали, волочили обѣща-ніями. Можетъ быть, Нелли оказался не расторопнымъ, былъ слишкомъ повадливъ къ Аччьяйоли, а тотъ, занятый болѣе важными дѣлами, не спѣшилъ устроить пріѣзжаго. Очевидно, тутъ не было желанія обидѣть его, но для Боккаччо, съ его щепетильнымъ отношеніемъ къ вопросамъ свободы и меценатства, всякое невниманіе было уколомъ. Онъ молилъ, заявлялъ и выносилъ; такъ прошло шесть мѣсяцевъ. Въ маѣ 1362-го года онъ пустился въ обратный путь, откланявшись Аччьяйоли и Нелли и обоихъ обвиняя. Онъ мѣшкалъ по дорогѣ; въ Италии снова ходила чума: она была въ Неаполѣ³⁾, во Флоренціи; Боккаччо миновалъ Флоренцію и весной 1363-го года пріѣхалъ въ Венецию, къ Петраркѣ, который, очевидно, не зналъ объ его неаполитанской поѣздкѣ, когда отвѣчалъ ему по поводу Чьяні и еще 13-го марта 1363-го года писалъ ему подробно, жалуясь на флорентійскихъ критиковъ, завистливо копошившихся въ нѣсколькихъ стихахъ его Африки⁴⁾.

1) Sen. I, 2.

2) Сл. письмо Аччьяйоли у Cochin, стр 309—10: 18-го марта 1362-го года?
Сл. I. с. стр. 189.

3) Сл. письмо Нелли отъ 20 дек. 1362 г. у Cochin № XXX.

4) Sen. II, 1.

Въ Венеціі Боккаччо получилъ письмо отъ Нелли отъ 22-го апрѣля 1363-го года. Въ Неаполѣ, вѣроятно и, можетъ быть, непріиторно недоумѣвали, почему онъ «бѣжалъ»; его удаленіе называли бѣгствомъ, оно неприлично; казалось въ порядкѣ вѣщай, что Боккаччо будетъ ждать, какъ ждали вообще литературные кліенты; но онъ не умѣлъ ни льстить, какъ Заноби-Коридонъ, ни игнорировать, какъ Петрарка, не умѣлъ себя поставить. Когда въ 1360-мъ году на пути изъ Авиньона Аччьяйоли посѣтилъ въ Миланѣ Петрарку¹), котораго до тѣхъ поръ не зналъ лично, онъ явился къ нему полный смиренія и благоговѣйныхъ чувствъ. Такъ разсказывается самъ Петрарка въ письмѣ къ Заноби²): онъ жилъ тогда за городомъ въ монастырѣ св. Симплиціана, и какъ Помпей сложилъ знаки своего консульскаго достоинства въ низменной хижинѣ Посидонія, такъ Аччьяйоли переступилъ за скромный порогъ Петрарки съ непокрытой головой, чуть не паль ницъ, какъ склонилъ бы чело поклонникъ Парнаса, вступая въ храмъ Аполлона и музъ. Всѣ присутствовавшіе, а между ними были именитые люди, были поражены, тронуты до слезъ: такъ поразила всѣхъ его величественная наружность, привѣтливость, знаменательное молчаніе въ началѣ и серьезныя рѣчи. Онъ окиянулъ взглядомъ мои книги, товарищей и пищу моихъ занятій, иныя разсмотрѣлъ пристальнѣ, держа себя такъ мило и изящно, что лучшаго нельзя себѣ представить, продолжаетъ Петрарка. Мы бесѣдовали о многомъ; онъ остался дольше, чѣмъ длится обычный визитъ, удалился нехотя и на долго наполнилъ мое убѣжище блескомъ своего присутствія: это съ благоговѣніемъ ощущить всякий посѣтитель, кому дорога доблестъ. Что еще сказать о немъ? Весь городъ возликовалъ отъ его прибытія, точно отъ его яснаго чела исходили радость и покой. Любезный нашимъ правителямъ, милый народу, онъ сталъ мнѣ дороже прежняго, хотя я думалъ, что не въ состояніи полюбить его больше, чѣмъ

1) Сл. выше стр. 454.

2) Fam. XXII, 6.

любилъ; молва о немъ не обманула меня, онъ оказался ея выше, чего я никогда ни на комъ не испыталъ, и читалъ лишь о немногихъ.

Эту сцену интересно было припомнить, чтобы понять ея контрастъ съ приемомъ, который встрѣтилъ Боккаччо въ Неаполь. Если повѣрить ему, все его неаполитанское пребываніе — одна мартирологія; таковой она дѣйствительно могла ему показаться; онъ могъ преувеличивать, но его разсказъ останется яркой картинкой литературныхъ нравовъ XIV вѣка; вспомнимъ испытанія Франческо да Фіано¹⁾). Съ его самолюбіемъ не считались и, вдбавокъ, его же обвинили.

Это его взорвало, и 7-го іюня онъ написалъ свое знаменитое посланіе къ «мессеру Франческо»: памфлетъ ярче Корбаччо, негодящій и сдержанно-ироническій, въ которомъ достается и слабому, покладистому Нелли, и интеллигентному барину изъ мѣщанъ, державшему поэтовъ въ людской, Аччайоли. Письмо дошло до насъ въ итальянскомъ текстѣ; его предполагали переводомъ съ латинскаго, но ничто не мѣшаетъ видѣть въ немъ подлинникъ Боккаччо²⁾.

Я хотѣлъ молчать, пишетъ онъ Нелли, но ты задѣлъ меня своимъ язвительнымъ письмомъ. Жаль, что честному человѣку нельзя сказать истины безъ того, чтобы его не обвинили въ злословіи, а меня, обиженнаго, еще и обвиняютъ, и я принужденъ объясниться.

Ты называешь меня человѣкомъ стекляннымъ³⁾, нѣженкой, недотрогой; это для меня не новость, ты и прежде меня такъ обзываешь; говоришь, что я вспыльчивъ⁴⁾, и ваконецъ пишешь, что мнѣ не слѣдовало уѣзжать такъ внезапно, урываться отъ твоего мецената, такъ сказать, нахрапомъ⁵⁾: все бы устроилось по моему

1) Съ выше стр. 176 слѣд.

2) Corazzini, I. c. стр. 181 слѣд.

3) Uomo di vetro.

4) Subito.

5) La fuga.... arrapare.

желанію, и тревожить его было безсмысленно. Затѣмъ ты совѣтуешь мнѣ вернуться, выждавъ время, если меня пугаетъ чума и лѣтніе жары, и завѣряешь честныимъ словомъ, что все мнѣ будетъ приготовлено; твой меценатъ, видиши ли, устыдился, узнавъ о моемъ отѣздѣ, ибо многимъ показалось, что произошелъ онъ по его винѣ; еслибы ему въ голову пришло повѣрить мнѣ (т. е. моимъ жалобамъ), я бы не уѣхалъ, а еслибы и уѣхалъ, то меня проводили бы на родину съ подобающимъ почетомъ и дарами. Многое еще говоришь ты въ томъ-же родѣ, пріятнаго и важнаго. О какъ бы я посмѣялся, что бы отвѣтилъ, еслибы захотѣлъ! Но смѣху будетъ свой чередъ, а на твое письмо я отвѣчу, не такъ, какъ ты заслуживаешь, а какъ пристало моему достоинству.

Если бы иной кто написаль то-же, что ты, ему можно было бы найти извиненіе, ибо онъ ошибся бы по невѣдѣнію; но ты обо всемъ зналъ и знаешь, что написаль противъ убѣжденія. Ты, можетъ быть, скажешь, что запамятаешь; люди дѣйствительно забываютъ, но не то, что случилось недавно. Что-же сказалъ бы ты, еслибы все это приключилось годъ тому назадъ? Вѣдь еще года не прошло, какъ о моей невзгодѣ говорили въ Мессинѣ въ ту пору, когда умеръ нашъ король Людвигъ (Людвигъ Тарентскій † 26 мая 1362 года)—а ты такое пишешь 22-го апрѣля слѣдующаго года! Ужъ не скажешь-ли, что я забывчивъ? Но если самъ ты не отвѣдалъ отъ воды Леты, то долженъ помнить собственно ручныя ко мнѣ письма твоего мецената, знаменитаго покровителя музъ, какъ убѣдительно просилъ онъ меня пріѣхать, какія давали обѣщанія, лишь-бы я явился—принять участіе въ его благороденствіи¹⁾. И при желаніі мнѣ не солгать, вѣдь у меня цѣлы письма, они покажутъ истину; пусть ихъ у меня потребуютъ. Сознаюсь, я нѣсколько колебался по прочтеніи письма²⁾, опа-

1) Ch'io venissi a partecipare seco la felicità sua.

2) Lette le lettere tue. Lettere въ значеніи лат. litterae: одинъ изъ латинизмовъ письма, въ которыхъ видѣли слѣды оригинала. Разумѣется письмо Аччьяйоли, которому противополагается далѣе письмо (epistola) Нелли. Оттого tue (lettere) не переведено, какъ лишнее.

сался, поминая прежніе опыты, не скрывается ли за широкими обѣщаніями, необычно щедростью и сладкими словами что нибудь неладное, оскорбительное. Я не довѣрялся, но твое письмо разсѣяло сомнѣнія и, не въ укоръ твоему меценату, тебѣ я повѣрилъ. Меня побудили не обѣщанія, не твои уговоры, а то, что мой образъ жизни на родинѣ и мои занятія тебѣ известны, и я былъ убѣжденъ, что ты не посовѣтуешь человѣку зреѣхъ лѣтъ вживаться въ новые, ему непривычные нравы. Такъ я и послѣдовалъ твоему совѣту; а дабы ты не обвинялъ меня въ неблагоразуміи, напомню о письмѣ, которое я написалъ тебѣ (списокъ съ него у меня): въ немъ я подробно объяснялъ тебѣ, съ какими намѣреніями я ѿхалъ къ вамъ; коли ты предъявишь его, то увидишь, сдѣлалъ-ли я что-либо несогласное съ нимъ.

Но къ чему тратить слова? Пріѣхавъ въ недобрый часъ, я встрѣтилъ въ Ночерѣ тебя и твоего великаго человѣка. Что за счастливый день, что за привѣтливая встрѣча! Точно я вернулся изъ подгородныхъ къ Неаполю мѣстъ: ни веселаго лица, ни дружескихъ объятій и словъ; напротивъ: твой меценатъ едва подаль мнѣ руку; съ такими то недобрыми знаменіями вступилъ я въ его домъ¹⁾). На слѣдующій день мы прибыли въ Неаполь, и здѣсь мнѣ тотчасъ-же удѣлили частицу обѣщаннаго мнѣ благосостоянія; удѣлилъ ты, ибо ты вѣдь былъ поставленъ управлять роскошными хоромами; хорошую, почетную часть; очевидно, надъ этимъ долго размышляли.

У твоего мецената, какъ тебѣ известно, знатные города и замки, деревни и дворцы и большія помѣстья; въ этой то роскоши есть частица, уголокъ, мглистый, затканный паутиной, пыльный и смрадный, которымъ погнушался бы самый послѣдній человѣкъ; я часто, въ разговорѣ съ тобой, называлъ его корабельнымъ

1) Въ текстѣ, иначе непонятномъ, я вставилъ отрицаніе: Non altrimenti che s'io tornassi da' borghi o dal contado vicino a Napoli [non] con viso ridente, con amichevole abbracciare e graziose parole dal tuo Mecenate ricevuto sono, anzi, appena portami la mano ritta и т. д.

люкомъ¹⁾), куда сваливаютъ всѣ нечистоты; сюда-то, въ этотъ удѣль обѣщанного мнѣ счастья, и сослали меня, пріѣхавшаго издалека, не какъ пріятеля, а какъ преступника²⁾). Это мое первое впечатлѣніе. Не думай, чтобъ я забылъ его.

Была половина ноября, ходила чума, отъ холоднаго воздуха все цепенѣло, а по твоему распоряженію мнѣ, усталому старику, отвели вмѣстѣ съ братомъ дырявую горенку, почти на сѣверъ; вещи стояли на камennомъ полу, матрасъ набить шерстью и сшить горбами, его, должно быть, недавно вытащили изъ подъ какого-нибудь погонщика муловъ; одѣяла на него не хватало, да и оно было вонючее; подушки³⁾ не было. Кто привыкъ спать на соломѣ, для того это была находка. Не забуду я этой ночи, полной стиггийской мглы, печальной и тревожной для насъ обоихъ, особенно для старшаго. Казалось, никогда не настанетъ день; и такихъ ночей было много, еще худшихъ; почему не подложили намъ морской травы или водорослей, если ужъ не нашлось папоротника или дрока? Да, хорошо меня приняли, лучше не встрѣчили римляне плѣнныхъ Персея и Сифакса. А ты-то, умный человѣкъ⁴⁾, будто не помнишь, какая у меня была комнатка дома, какъ мало соотвѣтствовали тому твои приготовленія! Или твои слуги полагали, что я обратился въ собаку, какъ несчастная Гекуба? По милости Божіей, я еще человѣкъ, грязныхъ и сорныхъ угловъ я нашелъ бы вдоволь и въ своемъ отечествѣ, не зачѣмъ было мнѣ трудиться пріѣзжать въ Неаполь, чтобы жить въ люкѣ. Но этого мало: присоедини къ этому домашній столъ, блестящую обстановку и пріятныхъ сотрапезниковъ. Пишу тебѣ обо всемъ этомъ не потому, чтобы ты этого не зналъ, а дабы устыдить тебя хоть немного. Итакъ вступавшихъ въ эти царственные покой, съ ихъ золотыми балками и отдѣлкой изъ сло-

1) *Sentina.*

2) *Nocivo.*

3) *Piumaccio.*

4) *Oculato.*

новой кости, представлялась въ печальномъ контрастѣ, поражавшемъ зрѣніе, вкусъ и слухъ, небольшая глиняная лампочка въ углу, въ которой полупотухшая отъ скучного олея свѣтильня грустно боролась за свою жизнь. Съ другой стороны столикъ, покрытый грубой, грязной скатертью, изгрызенной временемъ или собаками, не покрывавшей всего стола; на ней нѣсколько мутнаго цвета стакановъ; вмѣсто скамы — скамеечка о трехъ ногахъ, для того, вѣроятно, чтобы успокоеніе сидящихъ за роскошной трапезой не перешло въ сонъ, хотя въ очагѣ не было огня и все было полно кухоннаго дыма и смрада. Я готовъ согласиться съ тобой, что такъ жила и такъ царственно пиршествовала Клеопатра съ своимъ Антониемъ.—Начинали отовсюду собираться бароны: обѣдалы, лизоблюды, погонщики муловъ и мальчишки, повара и поваренки, однимъ словомъ придворные псы и мыши, лучшіе потребители помоеvъ. Они шныряли повсюду, наполняя домъ своимъ мычаніемъ; что всего болѣе поражало мои глаза и носъ, это то, что кружки и сосуды съ виномъ, переходя изъ рукъ въ руки, разбивались, и вино и пыль смѣшивались подъ ногами въ грязь, заражавшую воздухъ своею вонью до тошноты и рвоты. Затѣмъ являлся мажордомъ¹⁾ царскаго дома, грязный, неприглядный, одѣтый соотвѣтственно всему окружающему; его глаза слезятся отъ дыма, въ рукахъ нѣсколько огарковъ; хриплымъ голосомъ и жезломъ онъ подаетъ знакъ къ битвѣ, приказывая размѣщаться тѣмъ, кто будетъ уживать. Я съ немногими садился за первый столъ, самый почетный въ «люкѣ», а напротивъ меня бросалась усаживаться какъ попало, не выжидая приказа, грязная, беспорядочная толпа. Всякий прилаживался къ стойлу, жадный до жратвы; мои глаза противъ желанія нерѣдко обращались въ ихъ сторону, и я видѣлъ неутерпѣщіе носы, блѣдныя лица, слезливые глаза, тогда какъ съ страшнымъ кашлемъ летѣли передо мною шлепки густой, гнилой слизи. И немудрено: они были полуодѣты, въ легкомъ, поноженномъ платьѣ,

1) Prefetto.

доходившемъ лишь до колѣнъ, они дрожали и точно голодные звѣри глотали поставленныя передъ ними кушанья. Что сказать о нихъ, о сосудахъ, напоминавшихъ утварь великаго Антіоха, царя Азіи и Сирії? Пожалуй иной, по слухамъ, вообразить, что это въ самомъ дѣлѣ было такъ, но тебя не обманешь, ты вѣдь самъ все это приготовлялъ. Сосуды были глиняные, и въ этомъ нѣтъ грѣха, употребляли же ихъ такие почтенные мужи, какъ Курій и Фабрицій; но сосуды то были грязные, часто мнѣ думалось, что ихъ украли у неаполитанскихъ цирульниковъ, которые спускаютъ въ нихъ испорченную кровь. Были тамъ и деревянные, но черные и вонючие, отзывающиеся вчерашнимъ жиромъ; видно, таково было твое распоряженіе, дабы мясо, пропитавшись запахомъ дерева, было смачнѣе. Ты скажешь мнѣ, пожалуй: Коли ты увѣренъ, что все это было мнѣ известно, къ чему писать мнѣ о томъ? Затѣмъ лишь, клянусь Геркулесомъ, чтобы дать тебѣ понять, какъ понялъ и я, что ничто тамъ не напоминало Мальфу (замокъ Аччьяйоли).

Какъ въ прошломъ году (не отмѣчаю мѣсяца и дня) я видѣлъ у нѣкоторыхъ вельможъ, что появленіе кушанья возвѣщалось чуть-ли не глашатаемъ, такъ и здѣсь распорядитель держался порядка, который соблюдалъ поваръ. Говорили многіе, что твоими заботами скупались отовсюду быки, околѣвшіе отъ старости, работы или болѣзни; я, признаюсь, тому не вѣрилъ, ибо помню, что когда то ты былъ лакомкой. Затѣмъ являлось мясо опоросившейся свиньи и старые голуби, подгорѣлые или полусырые, ибо, по ученію короля Роберта, они лучше для питанія¹⁾), хотя Эскулапъ, Аполлонъ съ Гиппократомъ и Галеномъ не очень-то совѣтуютъ эти нетерапевтическія кушанья, особенно въ чумное время. Все это было очень хорошо; а дабы твое хозяйствичанье проявлялось вполнѣ, между каждыми двумя изъ сидѣвшихъ за первымъ столомъ клали по три чуть теплыхъ каштана. Я ничего еще не сказалъ о мелочахъ, о рыбкахъ, которыхъ обыкновенно

1) Сл. выше т. I, стр. 34.

оставляютъ вищимъ, а намъ ихъ подавали во дни святого поста сваренными въ вонючемъ маслѣ. Въ вознагражденіе за все это являлись вина, молодыя, или отдававшія гнильемъ и кислыя, которыми нельзя было утолить жажду; даже подмѣшавъ большое количество воды. Если бы ты самъ ужиналъ съ нами, я никогда не подумалъ бы, что это твое дѣло, ибо помню, что ты былъ охотникъ до хорошихъ винъ; но, благоразумный, какъ всегда, ты, оставивъ жалкую толпу, поднимался на Монте Кассино и принималъ участіе въ царственныхъ пирахъ, или коли хочешь, въ пирахъ твоего мецената, гдѣ больше было лакомыхъ кусковъ на серебряной посудѣ и ты могъ смаковать отличныя вина. Какъ все это великодушно, достойно твоего великаго мецената, какъ все это отвѣчаетъ обѣщаніямъ — благоденствія!

Ты, пожалуй, скажешь мнѣ: Чего-же тебѣ было надобно? Не зналъ ты развѣ, какъ живутъ при дворѣ? Чѣмъ довольствуются другіе, тѣмъ ты недоволенъ?—Хорошо это сказано, свято, по дружески! Знакомо мнѣ сть малыхъ лѣтъ, какъ живется при дворѣ, но я полагаю, меня вызывали не за тѣмъ, чтобы быть дворовыми, а чтобы принять участіе въ благоденствіи твоего великаго человѣка; да и въ письмѣ къ тебѣ, написанномъ до моего прїезда, я ясно говорилъ, что дворовыми быть не желаю. Если это не было въ видахъ твоего мецената, зачѣмъ было не отклонить моего прїезда? Тѣмъ не менѣе я не того желалъ, что тебѣ думается: если я, по твоему мнѣнію, человѣкъ стеклянный, то не жадный, не обѣдало, не изнѣженъ, какъ баба. Не потребовалъ бы я отъ тебя винъ изъ Тира или Понта, или, чтѣ ближе, съ мизенскаго мыса, изъ Абруццъ или Ломбардіи; не попросилъ бы дичи изъ Колхиды или Ортигіи, фазановъ и куропатокъ, соррентинскихъ телятъ или козлятъ, ни калидонскаго кабана, сраженнаго Мелеагромъ, ни палтуса изъ Адріатики, ни золотыхъ рыбокъ и устрицъ изъ питомника Сергія Ораты, ни гесперийскихъ яблокъ. Мнѣ не нужно царскихъ явствъ, перинъ Сарданапала, пуховиковъ Дионовъ и пурпуромъ украшенного ложа; не нужны золотыя палаты Нерона, листцы, киѳаристы, кудря-

вые служители, именитые бароны. Пусть эти прелести будуть достояниемъ твоего мецената и тѣхъ, кто заботится лишь объ удовольствіяхъ своего желудка. Я желалъ бы себѣ, чего добивался не однажды: небольшой домикъ вдали отъ сводниковъ и болтуновъ, стодикъ, чисто накрытый, простая, но опрятно приготовленная пища, простыя, свѣтлыя, хорошо выдержаныя вина, въ чистыхъ сосудахъ; постель, какая прилична моему положенію, въ чистой комнатѣ. Все это не дорого и не притязательно. Ты, можетъ быть, не знаешь, другъ мой, что съ юности и до зрѣлыхъ лѣтъ я жилъ въ Неаполѣ среди молодыхъ людей именитаго рода, моихъ сверстниковъ, которые не гнушались посѣщать меня, ибо они видѣли, что живу я не по звѣриному, а по человѣчески, съ удобствами, какъ умѣемъ жить мы, флорентинцы; и мой домъ и мое хозяйство были, по состоянію, блестяще обставлены¹⁾). Многіе изъ тѣхъ сверстниковъ еще живы, состарились и вышли въ люди; если бы они пожелали по прежнему водить со мною дружбу²⁾, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они, увидѣвъ меня живущаго такимъ образомъ, составили себѣ понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ негодномъ³⁾). Ты скажешь: это бабы соображенія, не приличныя въ ученомъ³⁾). Сознаюсь: женщины любятъ изнѣженность, звѣри звѣриный образъ жизни, но во всемъ есть иѣра: почтенные люди соблюдаютъ то, чего я прошу; въ числѣ прочихъ и величайшихъ—мой Сильванъ (Петрарка), по стопамъ котораго я иду, по мѣрѣ силъ. Если ты осуждаешь его, то мнѣ не по чѣмъ и твое осужденіе.

Такъ какъ ни одно изъ многихъ обѣщаній не исполнялось, а то, чѣмъ меня подманивали, было мнѣ не вмоготу, я принужденъ былъ обратиться къ щедрости именитаго юноши, нашего согражданина, Майнардо деи Кавалькавти, который зналъ обо всемъ этомъ и часто и радушно принималъ и угощалъ меня,

1) Сх. выше т. I, стр. 107.

2) Viltâ.

3) Studiante.

когда я выходил из «люка»; если я еще живъ и здоровъ, то этимъ я несомнѣнно обязанъ Господу и его помощи. Брать мой, хотя и неизбалованный¹⁾, также не могъ вынести этихъ неудобствъ и перешелъ въ гостинницу, чѣмъ и сберегъ себя. Такъ то я освободилъ твоего мецената отъ тяготы, а онъ, занятый важными дѣлами, прикинулся, что ничего не видить, и все это допустилъ; но ты еще болѣе виновенъ въ допущеніи.

Мнѣ остается разсказать о не менѣе печальныхъ обстоятельствахъ. Пока я оправлялся, живя у милѣйшаго юноши, твой меценатъ слалъ ко мнѣ записку за запиской, чтобы я явился къ нему (въ Триперголи, его помѣстье) съ моими книгами и намъ вмѣстѣ съ нимъ наединѣ провести нѣсколько дней въ весельи и покоя. Ты знаешь, что я, на мое несчастье, послушался и былъ принятъ не менѣе царственно, чѣмъ въ «люкѣ», помѣщенъ въ смрадной комнаткѣ, точно меня хотѣли подвергнуть испытаніямъ, какъ заслуживающаго того. Приготовили мнѣ коротенькую кровать, на которой не улечься и собакѣ; мнѣ было противно смотрѣть на нее, въ глазахъ стояли слезы; не будь со мною книгъ, я тотчасъ-же вернулся бы въ Неаполь, но я былъ связанъ. Твой великій человѣкъ, можетъ быть, не вѣрилъ тѣмъ, кто говорилъ ему, какъ позорно со мной обходятся, да еще и на людяхъ²⁾), и вотъ онъ самъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ именитыхъ мужей пришелъ въ смрадную кльтушку; она вся была на лицо, онъ увидѣлъ, между прочимъ, и кровать,— и смолчалъ; этого я не забуду. Цезарь пролилъ слезу надъ тѣломъ Помпея, ибо онъ увидѣлъ то, чего желалъ; еслибы твой меценатъ прослезился, я, быть можетъ, объяснилъ бы это жалостью и далъ бы ему возможность еще долѣе издѣваться надо мной. Ко мнѣ приходили поглядѣть на мои книги, а я краснѣлъ за позорную рабью постель. Но Господь сжалился надо мной: одинъ молодой неаполитанецъ, хорошаго рода, вспомнилъ старую дружбу, навѣстилъ меня и, увидѣвъ собачье логовище, сталъ жестоко

1) Benchè non molto in costumi vaglia?

2) In luogo cosÌ pubblico.

поносить и тебя и твоего великаго за вашу сквердность и неряшли-
вость; я кое-какъ успокоилъ его, а онъ тотчасъ-же слеталъ вер-
хомъ къ себѣ въ Пущуоли и послалъ мнѣ превосходную постель
съ подушками, дабы, судя по крайней мѣрѣ по постели, меня не
считали человѣкомъ болѣе низкаго положенія, чѣмъ какимъ я ему
представлялся. Не могу я забыть, какъ косо ты на нее посма-
тривалъ; но обѣ этомъ я съ тобой еще поговорю.

Случилось потомъ, что твой знаменитый человѣкъ и пріятель
музъ вызвалъ къ себѣ въ Неаполь своихъ дамъ, проведшихъ
нѣсколько веселыхъ дней въ Триперголи. Ты, по своей обязан-
ности, распорядился относительно людей и лошадей — ибо море
было бурное — и вѣль перенести все до мелочи, исключая де-
ревянного стула и глинянаго кувшина. Меня съ моими книгами
и слугой оставили одного на берегу. Ты знаешь, что тамъ нѣть
таверны, нѣть у меня и пріятелей, у которыхъ я могъ бы оста-
вить свои вещи, чтобы пѣшкомъ пуститься въ путь; нигдѣ ни-
чего не купишь и не чѣмъ жить, если не принести съ собою.
Пришлось поститься; что хуже, надо мнай трунили, видя, что я
платаю по берегу. Наконецъ, когда въ теченіи двухъ дней я
проглядѣлъ всѣ глаза на море и на дорогу, явились люди, по-
сланные тобою, чтобы отнести мои вещи въ Неаполь, въ «люкъ»,
еслибы я пожелалъ туда вернуться. Пока живъ, не забуду, какъ
я жаловался тебѣ тогда, что меня, точно послѣдняго слугу¹⁾, бро-
сили на байскомъ берегу, а ты впервые назвалъ меня человѣкомъ
стекляннымъ (т. е. сахарнымъ, нѣженкой).

Въ Неаполѣ, откуда Майнардо уѣхалъ въ Сантъ-Эльмо на
службу къ королевѣ, я, убоясь «люка», переселился къ одному
пріятелю, небогатому купцу, у котораго прожилъ пятьдесятъ
дней и болѣе, до самаго отѣзда; мнѣ было совѣстно, а твой ме-
ценатъ все видѣлъ и молчалъ.

Но я хочу потолковать съ тобою, дабы ты уразумѣлъ меня,
иначе ты подумаешь, что все это я перенесъ благодушно.

1) Vile schiavo.

Скажи мнѣ, пожалуйста, неужели я кажусь тебѣ столь ничтожнымъ, не заслуживающимъ какого-бы то ни было уваженія, что ты отнесся ко мнѣ такъ недостойно? Изъ грязи, что-ли, ты меня поднялъ, или вывелъ изъ острога, изъ стада волшебницы Цирцеи, что обошлисъ со мной такъ низко, такъ скверно, такъ по свински, самъ-ли ты отъ себя, или по наущенію своего мецената? Развѣ я издѣвался надъ вами, порочилъ васъ? Кажется мнѣ, твой меценатъ вообразилъ, что я одинъ изъ его грековъ¹⁾, которымъ вѣтъ иного убѣжища, кромѣ его лука. Но онъ ошибается, у меня ихъ много и пристойныхъ, тогда какъ его — позорно, и хотя онъ великъ и богатъ, я бѣденъ, я не сомнѣваюсь, что знающіе насъ обоихъ считаютъ меня болѣе достойнымъ уваженія. Пусть бы на другомъ дѣлѣ вы показали — онъ свою щедрость, ты свое начальничество. Этого мнѣ никогда не забыть, пока я живъ.

Такъ какъ обѣщанія повторялись, но не исполнялись, а я не хотѣлъ отнимать хлѣба у дѣтей моего радушнаго хозяина, я, несколько разъ предупреждавшій твоего мецената о моемъ желаніи удалиться, простился съ нимъ возможно сдержанно и уѣхалъ, а мой Сильванъ (Петrarка) дружески принялъ меня въ Венеции.

Поле битвѣ за тобою, ты можешь смѣяться надъ моей простотой, можешь торжествовать надъ обезоруженнымъ врагомъ; я радъ, что нахожусь въ безопасности.

Самъ ты виноватъ, что я такъ постыдовалъ надъ моей неизгодой, а теперь попытаюсь вырвать жало, которое ты вонзилъ въ неповиннаго. Ты называлъ меня человѣкомъ стекляннымъ; это вѣрно, что всѣ мы хрупки, смертны; но у тебя былъ другой умыселъ: ты хотѣлъ сказать, что у меня такой характеръ, невыдержанній, непостоянныи²⁾). Этого я не заслужилъ. Стеклянныи человѣкъ выходитъ изъ себя, до бѣшенства, если его задѣнетъ

1) Greciuoli-graeculi. Сл. выше, т. I, стр. 25.

2) Con sozza macchia la costanza mia ti sforzi di guastare.

какая нибудь мелочь, хотя бы и по заслугамъ¹⁾; а скажи мнѣ, выходилъ-ли я изъ себя, не выносиль-ли въ теченіи двухъ мѣсяцевъ грязный, отвратительный люкъ? Не меня-ли манили ложными обѣщаніями, точно ребенка, не вынужденъ-ли я быть жить у другихъ вслѣдствіе вашихъ оскорблений и мерзостей? А вѣдь я не горячился, не бѣшенствовалъ, и если жаловался тебѣ, то тихо и мирно. Развѣ ведутъ себя такъ стеклянные люди, да еще въ теченіи шести мѣсяцевъ? Ты, можетъ быть, желалъ бы, чтобы я, подобно тебѣ, до конца жизни терпѣлъ эти докуки²⁾. Упаси Боже отъ такого стыда человѣка, вхожаго въ палаты философіи, водящагося съ музами, котораго знаютъ и почитаютъ имѣнитые люди, чтобы ему, точно мухѣ, сновать съ биркой въ рукѣ по лавкамъ, гдѣ торгуютъ лежальнымъ мясомъ и гнилымъ виномъ, по булочникамъ и бабамъ, что продаютъ капусту — и всю эту дешевку нести домой на прокормъ голодному воронью. Къ этому у меня сердце не лежитъ, да и судьба еще не такъ принизила меня, какъ хотѣлось бы твоему меценату. Помнишь, я говорилъ ему, что меня не манятъ ни мѣста въ римской курії, ни другія³⁾, которыхъ вожделѣютъ многіе, чтобъ очутиться потомъ въ долгомъ рабствѣ; поддерживать на своихъ плечахъ, какъ Атланть, всякую мерзость, у меня не было бы никакой охоты; чего я желалъ — это жить порядочно и честно. Нечего, стало быть, называть меня стекляннымъ человѣкомъ, если, невыразимо натерпѣвшись, я далѣѣ выносить не могъ. — И Боккаччо разсказываетъ по этому поводу знакомый намъ⁴⁾ анекдотъ о скульпторѣ Буонакорсо, вызванномъ королемъ Робертомъ и тотчасъ-же удалившемся при первомъ проявленіи его скаредности.—Онъ хорошо поступилъ, я низко, что такъ долго терпѣлъ.

Ты скажешь, пожалуй, что, уѣзжая, я былъ слишкомъ по-

1) Giustamente.

2) Fastidi.

3) Me nè tiravano e pastorali de' pontefici, non le prepositure del pretorio.

4) Сл. выше т. I, стр. 48.

спѣшень, даже опрометчивъ¹⁾), а ты будто-бы не зналъ, какая тому причина. Больно напоминать о томъ человѣку, представляющемся забывчивымъ, но ты, какъ никто другой, зналъ всякое мое рѣшеніе, тебѣ я открывалъ всѣ тайные помыслы моего сердца—а ты говоришь, что ничего не зналъ, и зовешь меня опрометчивымъ! Пусть такъ, я объяснюсь, тѣмъ болѣе, что теперь меня не обмануть. Выше я разсказалъ тебѣ, что главнымъ образомъ побудило меня къ отѣзду: я не могъ болѣе выносить противныхъ нравовъ твоего мецената, его неприличное обращеніе; если я скажу, что и твое, я не солгу. Ты называлъ меня опрометчивымъ, а я пять мѣсяцевъ назадъ разъ сто говорилъ тебѣ, что хочу уѣхать, и ты поощрялъ меня къ тому, а дабы я еще болѣе тебѣ довѣрился, говорилъ, что и самъ вскорѣ поступишь такъ же, ибо и ты осуждалъ, что осуждалъ я. Кто такъ долго взвѣшивалъ свое рѣшеніе, тотъ не опрометчивъ; въ это я не вѣрю, не вѣришь и ты. Но если эта причина отѣзда покажется тебѣ недостаточной, я приведу другія; привлечнѣе было-бы помолчать о нихъ, я бы и помолчалъ, еслибы не писалъ тебѣ. Держи ихъ про себя.

Я убоялся негуманности твоего мецената; ты долженъ быть бы понять это, еслибъ вмѣстѣ съ совѣстью не утратилъ и пониманія. Запрягшись въ ярмо, ты тащишь его по усмотрѣнію возницы, но ему слѣдуетъ заботиться о везущихъ, а никто не заботился о томъ такъ мало, какъ твой меценатъ. Я думалъ, что, возвысившись, онъ измѣнится къ лучшему, но счастье его испортило, у него нѣтъ никакого попеченія о бѣднякахъ, которые служатъ ему, никакого благодушія; говорю это по опыту. Дождьли, градъ, вѣтеръ, молнія, пожаръ, разбойники—ему все равно, онъ такъ мало соболѣзнуетъ тѣмъ, кто помогаетъ ему совѣтомъ, словомъ или дѣломъ, какъ еслибъ дѣло шло объ арабахъ, индійцахъ или дикихъ звѣряхъ. Лишь бы ему было хорошо; по-пиратъ, презирать менышую братію — вотъ что кажется ему вѣ-

1) Subito, quasi ruinoso.

личіемъ; если заболѣлъ пріятель, онъ не только не поможетъ ему, не утѣшитъ, но не хочетъ и слышать о его нуждахъ; завись это отъ него, пріятель скончался бы въ своей комнатѣ безъ помощи врача и причастія. Кого не ужаснутъ эти нравы? Вѣдь нѣть столь варварской страны, гдѣ-бы не чтили дружбу; не тому научаетъ Валерій Максимъ, котораго твой меценатъ хорошо знаетъ—по его увѣренію. Пусть бы вспомнилъ примѣры Марка Марцелла, Александра Македонскаго; благостью укрѣпляются сердца друзей, смягчаются враги; суворость и пренебреженіе друзей удаляютъ.

Обвиненія противъ Аччайоли растутъ: его уличаютъ въ присвоеніи наслѣдій своихъ служилыхъ людей, если они не оставили завѣщанія; говорится обѣодной противной его привычкѣ, о которой всѣ знаютъ, знаешь и ты, пишетъ Боккаччо, иронизируя Нелли; я разскажу тебѣ о ней—по дружбѣ: случается твоему меценату быть въ совѣтѣ¹⁾), и вотъ, дабы всѣ подумали, что онъ занять важными государственными дѣлами, у дверей, по царскому обычаю, стоять привратники; передъ входомъ толкутся нерѣдко важные люди, спрашиваютъ шепотомъ: Можно ли видѣть? но привратники научены, и есть чему посмѣяться, когда они отвѣчаютъ: Онъ совѣщается, или: молится²⁾, или: утомился отъ занятій и отдыхаетъ. А онъ ничего не дѣлаетъ, развѣ, какъ Доміціанъ, бьетъ мухъ, или занимается вотъ чѣмъ (хотя я не прислужникъ, а знаю, что дѣлается въ покояхъ): сидѣть на судяѣ, точно на тронѣ, а кругомъ его дамы, не публичныя³⁾, это было бы нечестно, но и не сестры и не родственницы; въ этомъ то положеніе, среди громовъ и ароматовъ, держится совѣтъ, рядятся государственные дѣла, пишутся письма къ царямъ и папѣ, наушники⁴⁾ и греки⁵⁾ и дамы поддакиваютъ, тѣ же, что въ передней, полагаютъ, что, принятый въ сонмъ боговъ,

1) Nel conclave.

2) Lai dire el divino ufficio.

3) Meretrici.

4) Lusinghieri.

5) Greculi.

онъ виѣсть съ ними торжественно вершаетъ судьбы міра. Помню, что мнѣ легче было добиться доступа къ папѣ, императору Карлу и другимъ властителямъ, чѣмъ къ нему именитымъ людямъ,—пока онъ не управится съ желудкомъ. Онъ полагаетъ, что, устраиваясь отъ взоровъ друзей и просителей по обычая персидскихъ царей, онъ умножаетъ свое величіе, тогда какъ онъ возбуждается лишь негодованіе, ибо и маленькимъ людямъ удается видѣть, что дѣлается въ его покояхъ. И вотъ, когда онъ долгое время поморочилъ другихъ, надоѣль и себѣ, отворяются двери, и онъ выходитъ, серьозно наморщивъ лобъ, вздыхая, и оглядываетъ всѣхъ; на него устремляются взоры, слышатся смиренныя, слезныя просьбы, а онъ, занятый высокими мыслями, прикидывается, что не слышить, если просьба не по немъ, или отвѣчаетъ обѣщаніями, пустыми словами, отвѣчаетъ такъ, какъ будто онъ одинъ осѣненъ свыше, другіе — неразумныя животныя. Забылъ онъ то время, когда прїѣхалъ въ Неаполь купцомъ, съ однимъ слугою; и не тогда это было, когда Албаній или Сильвій основывали Альбу, а не прошло еще тридцати лѣтъ, еще многіе это помнятъ, помню и я. Откуда же эта гордыня, эта невыносимая надменность? Вѣдь онъ не изъ рода Юпитера, нѣтъ у него ни богатствъ Дарія, ни силъ Геркулеса, ни мудрости Соломона. Да, онъ именитъ — потому что, при отсутствіи доблестныхъ людей, возвышаются и дрянные; но еслибы онъ и самъ заслужилъ свое счастье, развѣ это даетъ право попирать меньшихъ? Судьба перемѣнчива, она возвышаетъ и свергаетъ; развѣ твой меценатъ не читалъ о Ксеркѣ, Поликратѣ, Прузіи? У него были передъ глазами недавніе, многочисленные примѣры такихъ-же паденій, они должны были бы научить его не пренебрегать не только тѣми, кто доблестнѣе его, но и тѣми, кто ниже. Но онъ не помнить себя, а я не выношу этихъ нравовъ и потому рѣшился уѣхать.

Еще одного я боялся, и очень: какъ бы не взвалилъ онъ мнѣ на плечи обузы—написать о великихъ подвигахъ, которые онъ будто бы совершилъ, или желаетъ увѣрить, что совершилъ. Я и прежде догадывался, что онъ хочетъ этого и что на это именно

я и былъ позванъ. Насколько я его понимаю, у него страстная жажда имени и славы; я знаю, какъ она добывается, онъ-же, не имѣя о томъ никакого представлениія, надѣется добиться ея своими шашнями и богатствомъ, не дѣлами. Это, разумѣется, самообольщеніе, но онъ не настолько глупъ, чтобы не понимать этого; онъ и желалъ бы, чтобы кто нибудь, написавъ о немъ красивыя небылицы, вывелъ его къ славѣ. Это сдѣлалъ бы его Коридонъ (Заноби да Страда), еслибы еще прожилъ; меня трудно было бы склонить написать несогласное съ истиной; вотъ почему именемъ и не дорожили. Говорять, Коридонъ, человѣкъ лѣстивый, котораго онъ чтилъ, какъ оракулъ дельфійскаго Аполлона, внушилъ ему, что имя создается троякимъ путемъ: подвигами оружія, строительства или литературными. Это стало для него убѣжденіемъ, и отдайся онъ чему нибудь одному, онъ, быть можетъ, и достигъ бы цѣли; Коридонъ, разумѣется, убѣдилъ бы его, что онъ славенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ бы ему повѣрилъ; какъ не повѣрить тому, что подтверждаетъ намъ собственное мнѣніе о себѣ? Но ты, пожалуй, скажешь: Не его это мнѣніе, а такъ его цѣнятъ многіе. Это и надо разобрать, иначе твой меценатъ вообразитъ, что его подвиги были мнѣ не по силамъ, и я устранился по малодушію.

Коридонъ увѣрилъ его, либо онъ убѣдилъ себя самъ, что онъ отличный военачальникъ, потому, вѣроятно, что король, еще юноша (Людвигъ тарентскій), поставилъ его надъ другими. Но гдѣ его военные подвиги? Гдѣ выигранныя битвы? Я не знаю ни одной; если я не сравню его съ Цинциннатами, Курціями, Сципіонами и другими, скажутъ, что это я изъ зависти; коли сравню, то соглашусь. Мнѣ замѣтятъ, что въ вождѣ цѣнится не одна лишь храбрость, а и сноровка, хитрость; но и для этого неѣтъ никакихъ фактовъ, ибо не хитрость овладѣвать врагомъ при помощи золота, это не дѣло могущественнаго вождя. Коридонъ, очевидно, обманывалъ его, если не было другихъ оснований, оставшихся мнѣ неизвѣстными.

Еще увѣрилъ его Коридонъ, что онъ снискалъ вѣчную славу,

построивъ монастырь съ нѣсколькими стѣнами (Чертозу подъ Флоренціей), и, на сколько я знаю мецената, онъ повѣрилъ ему и возгордился такъ, какъ еслибы онъ былъ строителемъ вавилонской башни, пирамидь, галикарнасскаго мавзолея. Такъ-то мой обманщикъ самъ попался впросакъ; но ты, всегда пребывающій съ нимъ и въ его совѣтахъ, почему не открылъ ты ему глаза, не убѣдилъ, что не слѣдуетъ грабить бѣдняковъ, обращая ихъ достоянія къ цѣли, которая не будетъ достигнута? Странно надѣяться, что сооруженія сохранятъ память ихъ основателя; зданія подвержены случайностямъ времени, погоды, разрушенія, а если и сохраняются, то не переживаютъ вмѣстѣ съ ними имена строителей. Кто строилъ храмъ, который полагаютъ храмомъ Байской Венеры, молельню ¹⁾ Силлы, чудесные храмы самосской Юноны, Діаны эфесской и дельфійскаго Аполлона? Еще стоять подъ Байями сооруженія Марія, Юлія Цезаря, Помпея и многихъ другихъ, но кто воздвигъ ихъ и на чьи средства, этого никто не знаетъ, и всякая старушонка разсказываетъ о томъ, что ей взбредетъ на умъ. Таково первое вліяніе разрушающаго времени, что, путая настоящее отношение вещей, оно приготовляетъ такимъ образомъ путь къ забвенію. Вонъ въ Римѣ термы Діоклітіана и домъ Антонія, полуразрушенный, благодаря нерадѣнію и любостяженію горожанъ, чуть не утратили свое название ²⁾). Итакъ, другъ мой, на этомъ славы не построить; Иродъ Антипатръ и Неронъ были великие строители, но ихъ имена не дошли бы до насъ, еслибы они не прославились другимъ.

Есть еще одно страстное желаніе у твоего мецената, мы съ тобой обѣ этомъ знаемъ: прослыть литераторомъ ³⁾, другомъ музъ. Таковыми онъ себя считаетъ; Коридонъ, слышно, увѣрилъ его, что можно быть писателемъ, ученымъ ⁴⁾, не зная латинскаго

1) Oratorio.

2) Quasi mutati i nomi et distratti quanto alla gloria de' componitori.

3) Litterato.

4) Letterato.

языка¹⁾, будто онъ нуженъ не для того, чтобы развить умъ и сообщить новыя свѣдѣнія, а чтобы съ его помощью нѣмецъ или французъ могли уразумѣть писанное итальянцемъ; что историческая и другія свѣдѣнія можно найти и въ итальянскихъ книгахъ. Всему этому твой меценатъ повѣрилъ, и вотъ онъ излюбилъ бесѣду съ умными²⁾ людьми, самъ говорить, разсказываетъ исторіи, знакомыя даже бабамъ, иногда отпустить нѣсколько словъ, отзывающихся латынью; вытаскивать книги, цитуетъ стишкі; собираетъ библіотеку, пріобрѣтая, получая въ даръ и отнимая насилино, и когда случайно упомянуть имя какого-нибудь писателя, говоритъ, что онъ у него есть въ шкафу — точно онъ его прочелъ. Разумѣется, все это похвально, другіе дѣлаютъ хуже; занятіе литературой³⁾ даетъ славу и почетъ, мы знаемъ, какъ блещутъ имена Музея, Орфея, Платона, Гомера, Цицерона и другихъ; но слава дается трудомъ, основывается на произведеніяхъ. Ничего подобнаго я не нахожу въ твоемъ меценатѣ. Говорятъ, у него отъ природы замѣчательная способность къ литературнымъ занятіямъ⁴⁾, но къ чему она, когда онъ обратилъ свои силы на совершенно другую дѣятельность? А что ни говорить Коридонъ, итальянская писанія литераторомъ⁵⁾ не дѣлаютъ, они могутъ пробудить отъ лѣни, облегчить путь къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Что они выдѣлили твоего мецената изъ толпы, я не отрицаю, но этого не достаточно для славы. Онъ писалъ много итальянскихъ писемъ, которыми давалъ такое значеніе, что письмо, назначенное одному, разсыпалъ многимъ въ свидѣтельство своего могучаго краснорѣчія. Я такія письма видѣлъ, въ нихъ, по его обыкновенію, цвѣтовъ краснорѣчія болѣе, чѣмъ дѣла⁶⁾; ихъ хвалить можно, но особымъ чѣмъ нибудь я ихъ не считаю,

1) Grammatica.

2) Sommi.

3) Lettere.

4) Admirabile attitudine nella litteratura.

5) Letterato.

6) Attendendo piuttosto ad ornato parlare secondo l'usanza sua, che a fruttuoso.

не считаешь и ты. Да еще рассказывали мнѣ люди достовѣрные, что въ Палермо, когда онъ начальствовалъ на войнѣ (хотя начальствовать то было не надѣ чѣмъ, ибо войска было мало и сбродное), онъ среди военной суматохи написалъ сочиненіе, можетъ быть, замѣчательное и достойное Гомера, ибо, презрѣвъ народный флорентійскій языкъ, который онъ ни во что не ставить, онъ изобрѣлъ какую-то невиданную смѣсь изъ разныхъ языковъ. Написалъ онъ еще по французски о дѣяніяхъ крестоносцевъ¹⁾, въ стилѣ, которымъ, бывало, писались романы Круглого стола; сколько у него тамъ смѣшного и невѣрного, про то знаетъ онъ самъ²⁾. И мнѣ хвалить за все это его, недруга музъ, звать его ихъ «пріятелемъ»? Господь упаси меня отъ такого стыда; а что я боюсь его, этому тебѣ, какъ литератору³⁾, изумляться нечего. Напротивъ, я готовъ возстать на твоего мецената, если онъ не отворить тюрьму, гдѣ у какихъ-то тунеядцевъ недалеко отъ Флоренціи, роскошно содерганныхъ (у монаховъ въ флорентійской Чертозѣ)⁴⁾, онъ хранитъ множество книгъ; будто люди путешествовали, учились и проводили безсонные ночи за тѣмъ лишь, чтобы ихъ сочиненія стали жертвой моли и пыли! Но я убѣжденъ, что, моими-ли или чужими усилиями, музы накажутъ его, какъ наказали своего невѣрного хозяина Пиренея⁵⁾.

1) Cavalieri del santo spedito.

2) Сл. выше т. I, стр. 57.

3) Uomo letterato.

4) Сл. выше стр. 170.

5) Disleale oste Pireneo. Сл. Gen. Deor. XI, 2: has (musas) autem voluisse Pyrrheneum includere nil aliud puto, quam quosdam ad ostentationem sui impetuosoſ et avidoſ, qui neglectis studiorum laboribus postquam scrinea libris compleverint et eorum fere tegmina viderint, tanquam omnia quae in eo continentur cognoverint sese audent extimare poetas aut a circumspicentibus arbitrari. Verum cum evolaverint musae quas putaverunt clauſtris clausisse, si eas in publicum sequi velint, i. e. ostendere se scire quod nesciunt, in praecipicium confestim ruunt; ex quibus nonnullos ego cognovi qui librorum congerie cumulata se credidere magistros et in conspectu scientium corruere. Сл. эклогу VIII (о Мидасѣ-Аччайоли):

Seque Mecenatem magnumque deum vocari
Gliscit, et invitâ dum servat rupe camenas
Ascreum putat esse senem.

Еще многое я могъ бы порасказать о немъ, но пусть сдѣлаютъ то другіе, говорить Боккаччо — и не можетъ остановиться. Онъ анализуетъ понятіе великодушнаго ¹⁾), — такъ звали Аччьяйоли,— и находитъ величіе духа въ хладнокровіи, съ которымъ онъ выслушалъ вѣсть о смерти сына; какъ и прежде, въ письмѣ къ Заноби²⁾), такъ и теперь оно его поражаетъ, это единственная черта, которая достойна была бы его пера, заслуживала бы быть изсѣченной золотыми буквами. За то щедрость мецената — мимая или подсказанная разсчетомъ; онъ ходить въ пурпурѣ, но тратить на себя не щедрость; онъ довольствовался однімъ слугой, теперь онъ держитъ много служилыхъ людей, но вѣдь того требуетъ его положеніе, а какъ онъ ихъ содержить, это Боккаччо испыталъ самъ—и онъ поминаетъ Александра Македонскаго, Фламинія, Помпея и затѣмъ спрашиваетъ поклонниковъ мецената: ужъ не ставятъ-ли они ему въ заслуги изобрѣтеніе «круглого стола», съ тѣмъ, чтобы можно было на одномъ блюдѣ подавать многимъ, что обычно подается на двоихъ?

Кажется, я достаточно объяснилъ тебѣ, что нерѣдко меня пугало; а теперь расскажу еще нечто изумительное. Когда я жилъ у твоего мецената, часто слышалъ, какъ онъ говорилъ, и серьозно, что отдалъ бы всѣ свои богатства, лишь бы вести свой родъ отъ фригійскихъ боговъ, отъ троянской крови, какъ будто отъ этого ему и богатства прибавилось бы и славы!—Боккаччо попалъ на свои любимыя темы: благородства и судьбы ³⁾ и еще разъ разрабатываетъ ихъ по поводу Аччьяйоли: онъ видитъ, что благороднымъ отдается предпочтеніе, и желалъ бы получить извнѣ, что обрѣтается внутри. И царь и работникъ отъ одного и того-же вещества; души сотворены Богомъ одинаково совершенными, лишь тѣла, созданныя на одинъ образецъ, развиваются разно подъ вліяніемъ неба и свѣтиль, какъ полагаютъ многіе; это разнообра-

1) Magnanimo.

2) Сл. выше стр. 180 слѣд.

3) Сл. выше стр. 48 слѣд.

зіе передается и соединеннымъ съ нимъ душамъ, которыя бывають увлечены то тѣми, то другими вожделеніями тѣла, и лишь мужественный духъ въ состояніи побороть ихъ, хотя не безъ затрудненія. Оттуда врожденный отличія общественныхъ положеній: тотъ, кто рожденъ былъ для военного дѣла и кому фортуна благопріятствовала, естественно возвышался надъ трусливымъ крестьяниномъ, одинъ назывался благороднымъ, другой сервомъ, плебеемъ. Лишь впослѣдствіи вышло то, что люди, по природѣ благородные, очутились въ зависимомъ положеніи отъ малодушныхъ, рожденныхъ, по волѣ небесъ, отъ благородныхъ, какъ, наоборотъ, благородные нерѣдко выходятъ изъ виллановъ. Развѣ не довольно было твоему меценату, что онъ превзошелъ своихъ предковъ, кто бы они ни были, тогда какъ иные положили конецъ родовому блеску? И къ чѣму фригійскіе боги? О родахъ, отъ нихъ пошедшихъ, я что-то ничего не читалъ; только о папѣ Григоріи, известномъ своей ученостью и святостью, говорится, что онъ былъ такого именно происхожденія. Не лучше ли было прямо назвать своимъ отцемъ Юпитера? Вѣдь поступилъ-же такъ Сатурнъ, назвавъ своего отца и мать Небомъ¹⁾ и Землею²⁾, чтобы возвеличить себя?

Такъ-то обманула твоего мецената его Коридонъ! Кто хочетъ облагородить себя чужимъ прозвищемъ, теряетъ за нимъ свое имя, ибо слава остается за прозвищемъ, а самъ онъ оказывается не при чѣмъ. Такіе бѣдняки, какъ Амиклъ, Кодръ, Аглавръ нашли хвалителей; твой меценатъ хотѣлъ окружить свое имя вѣчнымъ блескомъ, а нашелся человѣкъ, который навѣки затемнилъ его, поставивъ подъ сѣнью другихъ.

Ты упрекаешь меня въ опрометчивомъ бѣгствѣ. Ты пишешь это противъ своей совѣсти, твое перо услужливѣе моего: ты хотѣлъ понравиться своему меценату, я этого не осуждаю, ты вѣдь обязанъ служить ему, а я уѣхалъ, чтобы не служить. Но

1) Cielo = Coelius.

2) Terra.

едва-ли можно говорить о бѣгствѣ, когда человѣкъ распостился съ друзьями, съ тобой, послалъ впередъ свои выюки, выѣхаль среди бѣла дня, въ третью часу, при народѣ, съ мѣста, гдѣ постоянно бывають купцы — и далѣеѣхалъ, не спѣша, въ товарищахъ, до Аверзы, гдѣ пробылъ два дня у пріятеля, не скрываясь, затѣмъ до Сульмоны, гдѣ меня радостно привѣтствовалъ и чествовалъ нашъ Барбато. Лишь на третій день я былъ за границами королевства. Такъ ли поступаютъ бѣглецы? И зачѣмъ было мнѣ бѣжать? Я не Тіѣсть, не тотъ, кто поднесъ Александру Македонскому чашу съ ядомъ. Я просто сбросилъ иго; какое-же тутъ зло? Если бы ты понялъ свое заблужденіе, ты-бы также былъ опрометчивъ. Что подумаетъ обо мнѣ твой меценатъ, до этого мнѣ мало дѣла; говоря съ Теренціемъ, я такою цѣною не покупаю надежды и не разсчитываю, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ то, чего не дѣлалъ для другихъ, когда былъ къ тому обязанъ. Пусть остаются при немъ его богатства, его изобрѣтенная слава, у меня — моя святая свобода; въ бѣдной хатѣ я счастливѣе, чѣмъ онъ въ золотыхъ палатахъ. Разумѣется, раздражать сильнаго человѣка было неблагоразумно, но вѣдь я не заслужилъ его гнева, и если онъ обратитъ его на меня, я припомню слова Марка Катона къ консулу Кнею Карбону: у сильнаго человѣка много мечей¹⁾; но вѣдь и у меня есть оружіе, и, пожалуй, лучшее. Моя кровь славы ему не принесетъ, лучше пусть самъ побоится безславія, котораго не сотрешь. Если онъ предприметъ что-либо противъ меня за то, что говорю правду, выиграетъ имя обиженнаго; лишь бы Господь былъ со мною, а человѣка я не страшусь.

Возвратиться, какъ ты меня убѣждаетъ, у меня нѣть ни малѣйшаго желанія, хотя бы ты обѣщалъ мнѣ и ни вѣсть что, ибо лучше жить въ надеждѣ на лучшее, чѣмъ жить скверно безъ этой надежды. Два раза меня зазывали ложными обѣщаніями²⁾, два

1) Coltellा.

2) Разумѣется первая поѣзда въ Неаполь въ 1852 году. Сл. выше стр. 166 слѣд.

раза испытывали мое терпѣніе и принудили удалиться. Отсутствуя, я еще могу надѣяться на твоего мецената; пріѣзжать въ третій разъ не хочу, чтобы не обвинить ни его, ни себя; я въ самомъ дѣлѣ показался бы вѣтренымъ¹⁾ и себѣ и тѣмъ, которымъ тяжело было видѣть, какъ ты и твой великий человѣкъ оскорбляли меня.

Что, если нужда не оставитъ мнѣ никакого убѣжища, кромѣ твоего мецената? Но, благодаря Бога, ихъ много, а еслибъ не было ни одного, было бы легче побираться за кускомъ хлѣба по домамъ; а вы оставайтесь съ своимъ роскошнѣйшимъ «люкомъ». Что онъ не вѣрилъ моему отѣзду — это ложь; и вѣрилъ, и это было ему пріятно; какъ только онъ убѣдился, что я не намѣренъ писать, выдавая басни за истину, такъ я ему и опостылѣлъ; если онъ и говорилъ, что желаетъ моего возвращенія, и ты въ это вѣришь, то заблуждаешься. Я отлично знаю, чтѣ такое его общество и его чествованія; онъ не даетъ, а сулитъ — за то какъ великодѣлно; я счелъ бы себя дуракомъ, еслибы не понималъ всего этого. Пусть остается при своемъ. Полагаю, что мой отѣездъ мнѣ къ великой чести; его одобряетъ и Сильванъ (Петрарка), оплакивая неразуміе своего Симонида (Нелли); вѣроятно, онъ самъ будетъ писать ему, иначе я быль бы еще подробнѣе.

Но надо кончить. Я увѣренъ, ты не ожидалъ столь пространнаго отвѣта на твое короткое, но язвительнѣйшее письмо; но такъ какъ я знаю, что писаль ты его не по совѣсти²⁾, твои слова и хитросплетенія³⁾ и негодованіе на мою вину побудили меня выскажаться вполнѣ — и я написаль, давъ себѣ полную свободу, обезпеченный отъ насилия⁴⁾.

Трогать улей осъ и не ожидать уковотъ всего роя могутъ только дѣти; небольшой ударъ о головню заставляетъ разлетаться

1) Volatile.

2) Dal tuo puro ingegno dettata.

3) Malizie.

4) Separato dall' altrui potenza.

тысячи искръ. Потому берегитесь, не раздражайте меня своими нареканіями, ибо ты узнаешь, что въ этомъ искусствѣ я сильнѣе, чѣмъ ты полагалъ. Ты вымылъ мнѣ голову холодной водой, я обрилъ тебя, какъ и слѣдовало, зазубреннымъ ножомъ; что не додѣлано, сдѣлается, если ты не оставишь меня въ покой. Упаси тебя Боже!

II.

Посланіе Боккаччо къ Нелли, мѣтящее въ сущности на Аччайоли, полно личныхъ счетовъ и несдержанности, но въ немъ есть принципіальная стороны, и въ этомъ отношеніи оно драгоценно. Оно выясняетъ намъ еще разъ, что волновало друзей Петрарки и его самого, когда они задумывались надъ его зависимыемъ положеніемъ при дворѣ Висконти¹⁾. Мы уже знаемъ, что гуманизмъ, поднявъ значение литературы, какъ профессіи, и вмѣстѣ ощутивъ ея общественную силу, поставилъ заново вопросъ объ отношеніяхъ литературной клиентелы къ меценатству. Петрарка уживался въ нихъ, успокаивая себя и другихъ софизмами; Нелли, какъ бывало Заноби, служили своимъ первомъ, не считаясь съ своимъ самолюбіемъ; иные жаловались; одинъ Боккаччо пытался ужиться и кончилъ бѣгствомъ изъ неволи и страстнымъ протестомъ. Если вспомнить, что частныя письма такихъ людей, какъ онъ и Петрарка, ходили по рукамъ, его посланіе получаетъ характеръ общественного памфлета. Литераторъ не только поднималъ голову, но и грозилъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Боккаччо глубоко скорбѣлъ; не столько о золотыхъ снахъ, которые отлетѣли, не осуществившись, сколько о своемъ безразсудствѣ, о томъ, что онъ самъ назвался на униженіе. И не однажды: ему вспоминается его первая неаполитанская поѣздка, кончившаяся такой же неудачей, старыя полузабытыя отношенія; все это объединилось въ его фантазіи, одѣлось въ аллегорический покровъ и отложило

1) Сл. выше стр. 144 слѣд., 173 слѣд., 184 слѣд.